

КЛАДЫ

СОСТАВ, ХРОНОЛОГИЯ,
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ.

Муромов

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Исторический факультет

Кафедра археологии

КЛАДЫ:

СОСТАВ, ХРОНОЛОГИЯ, ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Материалы тематической научной конференции

Санкт-Петербург, 26–29 ноября 2002 г.

Санкт-Петербург
2002

К ВОПРОСУ О ДАТЕ ГНЕЗДОВСКОГО КЛАДА 1870 Г.

металла содержание цинка и олова ни в одном случае не превышает содержание меди, и во всех случаях оказывается в несколько раз меньше. Это прямо говорит о том, что легирование серебра осуществлялось не порошком медью, оловом и цинком, как это иногда принимается исследователями (О.М. Приходник с соавт.), забывающими, к тому же, о доступности элементного цинка, а уже выплавленной бронзой или латунию наряду с самой медью.

Содержание свинца в серебряных сплавах не коррелирует с содержанием остальных примесных компонентов, показывая, таким образом, самостоятельный источник свинца в сплавах. Присутствие свинца во всех без исключения серебряных сплавах, несомненно, свидетельствует о получении серебра из свинцовых руд, которым рудное серебро чаще всего сопутствует. В трубчевских серебряных сплавах содержание свинца выше, чем в однотипных сплавах других кладов, что можно расценивать или как некоторую архаичность, или как использование более бедной по серебру руды.

Использование латуни для легирования серебра означает ее вторичное применение, и смена олова на цинк в серебряных сплавах запаздывает по отношению к сплавам на медной основе. Такое явление зафиксировано для металла Трубчевского клада, где встречено несколько серебряных сплавов, в которых олово преобладает над цинком. Это — дополнительное свидетельство широкого внедрения латуни непосредственно перед выпадением самого клада, кроме того, по присутствию таких сплавов в составе серебряных можно судить и об архаичности того или иного клада.

Свинцово-оловянные сплавы. Изделия из свинцово-оловянных сплавов нередко встречаются в составе раннеславянских кладов, например, в кладе из с. Великие Будки на Сумщине их количество превышает 1200 штук, в основном ворворки и нашивные бляшки. Сравнение опубликованных анализов металла Великобудковского клада и выполненных нами Галоновского (А.Н. Егорьков, О.А. Щеглова) показало, что металл кладов различается по содержанию меди, серебра, мышьяка, сурьмы, висмута, цинка, причем эти отличия унеют устойчивый характер. По содержанию приведенных элементов, следовательно, клады со свинцово-оловянными изделиями также могут быть типизированы в дополнение к вещевой типизации самих ювелирных изделий.

Летом 1870 г. в ходе земляных работ, проводившихся на земле, принадлежащей помещице Кордосысовою (или Кардосысовою), был обнаружен ряд выразительных средневековых изделий, вошедших в литературу как Гнездовский клад 1870 г., № 24 по известному каталогу Г.Ф. Корзухиной (Корзухина 1954). Публикация клада в указанной работе в течение почти полувека оставалась базовой. Особый интерес представляли приведенные Г.Ф. Корзухиной сведения о монетном составе клада: «Диргеми — 5 целых 832–948/9 гт. и 53 фрагмента».

В 1998 г. Т.А. Пушкина на основании анализа архивных документов и описей музейного хранения показала, что в состав клада № 24 входят изделия, обнаруженные в результате двух независимых находок: при земляных работах, повредивших курган, и в стороне от кургана, «рабочими, копающими камень» (Пушкина 1998: 374–376). Отмечая, что «второй комплекс 1870 г. — монеты, стеклянные бусы и какие-то серебряные украшения, обнаруженные на «ровном месте», вполне могут оказаться кладом», цитируемый исследователь, однако обоснованно подчеркивает, что истинный состав клада не может быть восстановлен.

«Неясность или даже недостоверность монетного состава» вынуждают Т.А. Пушкину сделать достаточно пессимистический вывод о невозможности использовать материал данного клада (наряду с некоторыми другими) в построении хронологических схем.

Источниковедческий анализ, проведенный Т.А. Пушкиной, убеждает самого дотошного оппонента. Однако полагаю, что с точки зрения хронологии, ситуация выглядит не столь безнадежно.

Среди вещей, найденных «на ровном месте», значительную долю представляют стеклянные бусы. Бусы, наряду с иными изделиями данного клада, хранятся в Гос. Эрмитаже (пользуясь случаем поблагодарить Р.С. Минасяна за помощь, оказанную при работе с находками). В целом набор данных бус не отличается выразительностью. Зонные бусы синего прозрачного стекла (тип А171Т по Калльмеру — Callmer 1977; IV группа, третья

подгруппа «а», по З. А. Львовой — Львова 1968) имеют широкий хронологический диапазон бытования. Большинство прочих бус — биконические и неправильно-цилиндрические бусы буро-коричневого стекла (в одном случае видна печеночно-красная сердцевина), зонные бусы ярко-зеленого непрозрачного стекла, сдвоенная зонная бусина коричневого стекла (сердцевина белесого стекла) — не дают сколько-нибудь надежной хронологической позиции. Ближайший аналог последней из перечисленных бус происходит из материалов Тимеревского поселения, пахотный слой, раскопки 1977 г.; опубликована М. Козловой (Козлова 2001).

Однако среди данного набора бус присутствует один экземпляр, имеющий достаточно надежный интервал бытования (во всяком случае, на памятниках Северо-Запада). Речь идет о лимонобразной продольнополосатой бусине (ГЭ ОИПК оп. 995/8). Данный экземпляр, описанный Г.Ф. Корзухиной как «круглая с продольными черными полосками по серому фону» (полосы скорее прозрачные коричневые или лиловые — Я. Ф.), относится к группе родственных типов, время бытования которых компактно ограничено серединой X — серединой XI вв. (Щапова 1956; Callmer 1997).

Можно было бы отметить, что для такого памятника, как Гнездово, вторая половина указанного столетия представляется менее вероятной; можно было бы указать и на последнюю четверть X в., как наиболее вероятный интервал, исходя из динамики выпадения таких бус в культурные напластования новгородских раскопов; можно указать и на собственно гнездовские комплексы с подобными бусами. Однако, как представляется, в данном случае важно, что нижняя граница интервала бытования подобных бус практически совпадает с верхней датой дирхемов клада 1870 г., опубликованного Г.Ф. Корзухиной. По этой причине, несмотря на справедливость объективных выводов Т.А. Пушкиной, существенных коррекций хронологических схем, включающих надежную составляющую «клада 1870 г.» (без топора, металлических котелков и амулета) **только на приведенном выше основании** (ненадежность монетного состава), ожидать, как представляется, все-таки не следует.